

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Д. Батакович, доктор исторических наук, профессор,
Институт балканистики САНУ, Сербия

Т. И. Вендина, доктор филологических наук, профессор

А. Влашич-Анич, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия

П. Женьюх, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия

А. Зуппан, академик Австрийской академии наук, Австрия

К. В. Никифоров, доктор исторических наук, директор
Института славяноведения РАН (отв. редактор)

М. Номати, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония

В. Радева, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария

М. А. Робинсон, доктор исторических наук

А. Розман, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения

Н. Н. Старикова, доктор филологических наук

Е. С. Узенева, кандидат филологических наук, доцент

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

РЕДАКЦИЯ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

М. Ю. Дронов, кандидат исторических наук

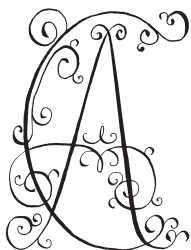
К. А. Кочегаров, кандидат исторических наук

М. М. Макарецев, кандидат филологических наук

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

3-4 · 2015

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2015

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2015. Вып. 3–4. —
М.: Индрик, 2015. – 496 с.

ISSN 2073-5731

Очередной выпуск (№ 3–4) «Славянского альманаха» отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, общественных и национальных движений, международных отношений, истории славистики, истории культуры, литературы и фольклора, этнолингвистики, древних и современных славянских языков и диалектов. Часть статей выпуска посвящена 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Хронологический охват материалов – от Нового времени до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The new issue (3–4) of «The Slavonic Miscellany» reflects main directions of complex academic slavistic studies. It also includes articles and publications on the topical problems of the history of Slavic peoples, social and national movements, international relations, the history of Slavic studies, the history of culture, literature and folklore, ethnolinguistics, ancient and modern Slavic languages and dialects. Several articles are dedicated to 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. The publications focus on the period from Modern History to contemporal events. The book may be interested not only to the scholars, but to the general reader as well.

© Институт славяноведения РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Издательство «Индрик», 2015

Содержание

От редколлегии	11
----------------------	----

История

<i>Кочегаров К. А. (Москва). Как поспорил Иван Степанович со Львом Кирилловичем: к вопросу о неформальных взаимоотношениях украинских гетманов и царских вельмож</i>	<i>13</i>
<i>Фалькович С. М. (Москва). Польский вопрос в решениях Венского конгресса 1815 г. и причины краха венских договоренностей</i>	<i>23</i>
<i>Фролова М. М. (Москва). М. А. Хитрово – первый русский консул в Македонии (1860–1864)</i>	<i>38</i>
<i>Шемакин А. Л. (Москва). Русский человек на Балканах: сербская одиссея поручика Мамулова (1893–1915)</i>	<i>57</i>
<i>Крючков И. В. (Ставрополь). Русины Подкарпатской Руси в восприятии российских дипломатов – сотрудников генерального консульства в Будапеште в конце XIX – начале XX в.</i>	<i>77</i>
<i>Гром О. А. (Ростов-на-Дону). Дебаты о «молдавском сепаратизме» в период между Первой русской революцией и столетним юбилеем присоединения Бессарабии к России (1907–1912 гг.)</i>	<i>87</i>
<i>Субаев Р. Р. (Москва). Миссия Лимана фон Сандерса и младотурецкий режим накануне Первой мировой войны</i>	<i>105</i>
<i>Клопова М. Э. (Москва). «Больной вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» 1912–1917 гг.</i>	<i>122</i>
<i>Булахтин М. А. (Пермь). Польско-украинские противоречия в Галиции в годы Первой мировой войны</i>	<i>138</i>
<i>Вабищевич А. Н. (Брест). Старообрядцы как этноконфессиональное меньшинство в Польше (1918–1939 гг.)</i>	<i>157</i>
<i>Фединец Ч. (Будапешт), Черничко С. (Берегово). Некоторые аспекты языковой политики Венгерского Королевства в отношении Подкарпатской территории (Закарпатья) в 1939–1944 гг.</i>	<i>172</i>
<i>Новосельцев Б. С. (Москва). Югославско-американские отношения и вмешательство США в конфликт во Вьетнаме (1965 – начало 1966 г.)</i>	<i>186</i>
<i>Валева Е. Л. (Москва). Мифы и память о социализме в Болгарии</i>	<i>200</i>

Ч. Фединец (Будапешт),

С. Черничко (Берегово)

**Некоторые аспекты языковой политики
Венгерского Королевства в отношении
Подкарпатской территории (Закарпатья) в 1939–1944 гг.**

Долгосрочная выживаемость языковых, национальных или этнокультурных сообществ в большей мере зависит от решений центральных или региональных властей, а также языкового контекста и системы мер формирования языковой и культурной интеграции национальных, этнических или языковых меньшинств, автохтонных или иммигрантских общин. В статье рассматриваются этно- и национально-политические цели Венгрии на территории Подкарпатя (Закарпатской области) в 1939–1944 гг.

Ключевые слова: *Венгрия, Подкарпатская территория (Закарпатье), русины, языковая политика*

В период между 1939 и 1944 гг. в Венгрии был всего один регион, который административно не входил в систему комитатов, а составлял отдельную административно-территориальную единицу. Это были земли, на которых большинство населения составляли русины, то есть территория современного Закарпатя (область Украины). Официальным названием края было «Регентский комиссариат Подкарпатской территории».

Периоду Регентского комиссариата Подкарпатской территории посвящено много работ по истории, праву, языковой политике и др. Общим недостатком широкой палитры исследований остается то, что до сих пор предметом изучения не была внутренняя история региона на уровне местного нормотворчества. В данной статье анализируются направления, сферы и, прежде всего, содержание локальной политики в контексте целей и задач Венгерского государства. В частности, прослеживается, соответствовала ли указанная административная единица своему особому статусу в рамках административно-территориального деления Венгрии только по названию, или также на деле.

В Венгрии в период между двумя мировыми войнами законодательческую деятельность с 1920 по 1926 г. осуществляло однопалатное Национальное собрание, а в 1927–1945 гг. – двухпалатный парламент (Палата депутатов и Верхняя палата). В Национальное со-

бране, и позднее в Палату депутатов, избирали путем всенародного голосования, а в Верхнюю – рекрутировали из рядов высшей бюрократии и клира¹.

В межвоенный период всего было проведено шесть парламентских выборов: в 1920, 1922, 1926, 1931, 1935 и 1939 гг. Победителем на всех выборах становилась одна и та же партия, которая неоднократно подвергалась преобразованию и меняла название: в 1922–1932 гг. – Единая партия (*Egységes Párt*), в 1932–1938 гг. – Партия национального единства (*Nemzeti Egység Pártja*), а в 1939–1944 гг. – Партия венгерской жизни (*Magyar Élet Pártja*). На всех выборах партия получала твердое парламентское большинство и формировала правительство².

Последние выборы этого периода состоялись в конце мая 1939 г., после них до конца войны проходили только довыборы. На территориях, присоединенных к Венгрии в период ревизии границ, в том числе и в Закарпатье, выборы не проводились.

Часть Подкарпатской Руси, населенная венграми, отошла к Венгрии в ноябре 1938 г. после Первого венского арбитража, а территории, заселенные русинами, – в марте 1939 г. в результате венгерского военного вмешательства. В венгерское законодательство решение Первого венского арбитража было введено Законом № XXXIV от 1938 г. «О воссоединении с государством территорий Верхней Венгрии, возвращенных Венгерской Святой Короне», а присоединение русинских территорий – Законом № VI от 1939 г. «О воссоединении с государством Подкарпатских территорий, возвращенных Венгерской Святой Короне»³. Обоиими законами предполагалось, что члены Верхней палаты от этих территорий – так же как и по всей Венгрии – приглашаются, а депутатов нижней палаты – кооптируют.

Параграф 2 Закона № XXXIV от 1938 г. гласил: «Из сенаторов и депутатов, избранных [в 1935 г. – Ч. Ф., С. Ч.] населением Верхней Венгрии [территория Чехословакии, которая в результате Первого венского арбитража была присоединена к Венгрии. – Ч. Ф., С. Ч.], данным законом депутатами венгерского парламента, созданного 27 апреля 1935 г., станут те, кого по представлению премьер-министра Венгерской короны пригласят в обе палаты парламента». Депутаты Верхней Венгрии (включая и шестерых закарпатцев) стали членами венгерского парламента 5 декабря 1938 г. Они составляли «группу депутатов Верхней Венгрии». Все были членами Объединенной венгерской партии (*Egyesült Magyar Párt*), созданной в 1936 г. в чехословацких Новых Замках. 15 марта 1940 г. эта партия влилась в состав правящей Партии венгерской жизни.

Параграф 2 Закона № VI от 1939 г. предписывал: «До тех пор, пока [не] станет возможным провести выборы депутатов Государственного собрания на Подкарпатской территории, данным законом депутатами Государственного собрания, членами венгерского парламента, созванного 10 июня 1939 г., станут те из сенаторов и депутатов, избранных [в Чехословацкой Республике. – Ч. Ф., С. Ч.] населением Подкарпатской территории, или избранных по спискам партий или во время довыборов, или те из членов Национального совета, избранных коренным населением Подкарпатской территории, кого по представлению премьер-министра пригласят в обе палаты парламента. Количество приглашенных таким образом человек не может превышать десяти». Десять человек из Регентского комиссариата Подкарпатской территории были кооптированы в венгерский парламент после введения гражданского управления краем от 7 июля 1939 г.

Параграф 4 Закона № VI от 1939 г. гласил: «Министерству поручается организовать проведение выборов депутатов Государственного собрания на Подкарпатской территории 30 июня 1940 г.». Однако этого не произошло. 31 декабря 1939 г. был опубликован Закон № XVIII «О выборах депутатов Государственного собрания на территориях Верхней Венгрии и Подкарпатского региона, присоединенных к Венгерской Святой Короне», которым для Подкарпатской территории предполагалось выделить 11 мандатов (по количеству районов Регентского комиссариата Подкарпатской территории)⁴. Но и этот закон не был исполнен. 19 июня 1940 г. во время выступления в парламенте премьер-министр Венгрии Пал Телеки отметил, что до 30 июня на Подкарпатской территории необходимо провести выборы, однако из-за войны их пришлось отложить на неопределенное время. Вместо выборов были продолжены полномочия приглашенных ранее депутатов⁵.

Начиная с 1867 г. законы и официальные постановления в Венгрии публиковались в официальном печатном органе правительства. В 1867–1944 гг. это был еженедельник «*Budapesti Közlöny*» («Будапештский Вестник»). Кроме этого, существовал отдельный сборник законов «*Országos Törvénytár*» («Государственный свод законов») и сборник постановлений «*Magyarországi Rendeletek Tára*» («Свод постановлений Венгрии»). Оба издания выходили с 1867 по 1945 г.⁶

В течение нескольких лет после Соглашения 1867 г. между Австрией и Венгрией законы объявлялись непосредственно в парламенте, а начиная с 1881 г. их размещали в «Государственном своде

законов». Они публиковались на одном языке – венгерском, однако международные договоры, которые тоже печатались здесь же, выходили на языке оригинала и в венгерском переводе. В эпоху дуализма (1867–1918) все законы в Венгрии публиковались в отдельных сборниках на языках национальных меньшинств (немецком, хорватском, румынском, словацком, сербском, русинском и итальянском). Постановления в течение всего периода появлялись в «Будапештском вестнике», их вступление в силу не зависело от публикации в «Своде постановлений Венгрии». Этот сборник выходил раз в год и включал в себя избранные постановления⁷.

Постановление премьер-министра № 6200 от 1939 г. «О временном упорядочении административного управления Подкарпатской территории, возвращенной Венгерской Святой Короне» предусматривало, что административное управление Регентского комиссариата Подкарпатской территории будет состоять из трех уровней: органы государственного управления, районы и отдельные населенные пункты⁸. Регентский комиссариат возглавлял комиссар, которому в работе помогала комиссия из восьми членов под председательством главного советника. Комиссия заседала на регулярной основе и «давала отзывы и вносила предложения». Регентского комиссара, главного советника и членов комиссии назначал премьер-министр, руководителей органов государственного управления и их заместителей – министр внутренних дел. Полномочия регентского комиссара отвечали полномочиям главы комитатской администрации. В сферу его компетенции входило также управление образованием. В случае комитатов его осуществлял директор по вопросам образования.

Параграф 11 Постановления № 6200 предусматривал, что на территории комиссариата официальными языками являются венгерский и «угрорусский». Определялось, что регентский комиссар должен выпускать официальное издание, где на двух языках параллельными колонками должны печататься государственные законы и постановления, «действие которых распространяется и на Подкарпатскую территорию», а также приказы регентского комиссара, приказы и объявления руководителей органов государственной власти. В параграфе также говорилось, что министерские постановления вступают в силу с момента публикации в официальном печатном органе – «Будапештском Вестнике», «однако упомянутые постановления – по возможности одновременно с их публикацией в “Будапештском Вестнике” – необходимо публиковать в официальном печатном органе Подкарпатской территории на венгерском и угрорусском языках».

Двухязычный официальный печатный орган Регентского комисариата «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вѣстникъ*», как и «Будапештский Вестник», выходил раз в неделю, по воскресеньям. Впервые газета вышла в свет 30 июля 1939 г., а последний номер – 24 сентября 1944 г. Издателем газеты выступал регентский комиссар Подкарпатской территории. Ответственным редактором издания стал д-р Вильмош Болаш. Выписывать газету могли как органы власти, так и частные лица. Объем издания колебался от 20 до 40 страниц. Печаталась газета в ужгородской государственной типографии (официальное название: Ужгородский отдел Венгерской королевской государственной типографии). Ответственным за выпуск был директор типографии Йозеф Тороцкой.

О Й. Тороцкой сохранилось очень мало сведений. Его имя дважды встречается в протоколах Совета министров Венгрии межвоенного периода. На заседании 12 декабря 1936 г. ему было присвоено звание «ведущего служащего Венгерской королевской государственной типографии» и он был зачислен в VIII тарификационный разряд⁹. На заседании 27 июня 1939 г. Тороцкой был назначен «руководителем отдела государственной типографии с переводом в VII тарификационный разряд»¹⁰. Это указывает на то, что летом 1939 г. он был переведен в Ужгород (административный центр Подкарпатской территории) из Будапешта.

Мало мы знаем и о В. Болаше. Он был одним из основателей Литературно-культурного общества комитатских служащих им. Иштвана Дендеша, созданного в Будапеште в 1932 г. (просуществовало до 1948 г.). Целью общества было развитие национальной культуры на территориях, утраченных Венгрией в результате Трианонского мирного договора (1920). В год основания общества Болаш был будапештским «писателем, историком, а также почетным нотариусом»¹¹. В 1942 г. Подкарпатское общество наук издало этнографическую работу В. Болаша¹².

Если наши предположения верны, то Болаш и Тороцкой были «варягами», «парашютистами» – чиновниками, направленными из метрополии на «возвращенные территории».

С точки зрения содержания газета «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вѣстникъ*» состояла из трех частей. Основное место занимала так называемая «Официальная часть», где публиковались постановления центральной власти. Между 1939 и 1942 гг. законы печатались в приложении к газете. Она была двухязычной, но в приложении законы публиковались только на «угрорусском» языке. В

некоторых номерах также встречался раздел «Распоряжения регентского комиссара». В конце помещались объявления («Объявление»): о продаже движимого и недвижимого имущества, вакансии, аренда, курсы подготовки для служащих и т. п.

В исследованиях, посвященных этому периоду, как правило, говорится, что газета публиковала законодательные акты центральной власти и местные правовые документы, однако еще никто не анализировал, насколько это утверждение соответствует действительности. Мы тщательно просмотрели все номера и можем утверждать, что местные приказы встречаются всего несколько раз в год, притом они не содержат особую местную проблематику, просто обращают внимание на некоторые общегосударственные распоряжения. Например, в № 20 от 11 мая 1941 г. регентский комиссар обращает внимание должностных лиц органов местного самоуправления и начальников отрядов противовоздушной обороны на приказ Министерства обороны № 102 955/el.35 от 1941 г., который регулировал порядок действий при воздушной тревоге.

Причины такой ситуации раскрываются среди прочего и в высказываниях регентского комиссара Миклоша Козмы, который публично выступал как сторонник автономии. Однако на самом деле он считал, что обещание о введении автономии выполнить невозможно и «рутенское Подкарпатье» также нужно включить в систему комитатов. В конфиденциальном письме к министру внутренних дел Ф. Керестеш-Фишеру он писал: «Это было бы идеальным решением, которое вывело бы нас из тупика, куда мы политически попали, пообещав автономию»¹³. Уже при назначении на пост 22 сентября 1940 г. в Ужгороде Козма отметил: «Языковые и культурные права населения Подкарпатского края, для которых венгерский язык не является родным, определяют венгерские законы и однозначная позиция венгерского правительства [...] Я хочу обратить на эти вопросы преимущественное внимание, однако сразу же замечу, что культурная свобода для рутенов или других нацменьшинств не может означать политической свободы и сепаратизма. Как в соответствии с намерениями правительства я гарантирую им языковую и культурную свободу, так же я гарантирую, что любой отход от венгерской государственной идеи и верности государству будет строго наказываться»¹⁴.

Премьер-министр Пал Телеки постоянно лоббировал принятие закона об автономии Подкарпатского воеводства, однако этот законопроект так и не был принят будапештским парламентом. В конце концов сам Телеки, учитывая существующие внутренние политиче-

ские обстоятельства и обстоятельства мировой войны, отказался от намерения предоставить автономию славянскому народу, проживающему вдоль восточной границы страны.

Во время дискуссии на заседании правительства 23 июля 1940 г., в частности, прозвучало: «На территории воеводства, согласно предложению, рутенский язык будет официальным языком, равноправным с государственным языком. Однако с равноправием рутенский не становится государственным языком; равноправие означает, что на территории воеводства рутенский язык такой же официальный, как и венгерский»¹⁵.

Участники приводили политическую аргументацию по поводу этнонима местного славянского населения. В письме 2 августа 1939 г. премьер-министр писал: «Надо понимать, что на Подкарпатье угрорусский язык является не языком национального меньшинства, а вторым государственным языком. Языковой вопрос необходимо рассматривать как практический, и ни при каких обстоятельствах нельзя из него делать политический вопрос»¹⁶.

Юрист Иштван Едед, поверенный Пала Телеки по вопросам Подкарпатского воеводства, суммировал мнения, прозвучавшие на заседании, посвященном использованию этнонима: «До и во время Первой мировой войны официальное название было “рутены” [...] При чехословацком правлении начали использовать этнонимы “русский”, “малорусский” [...] На использование этнонима влияет и международное положение. Учитывая политику Польши и возможное создание Украины, использование слова “украинский” является нежелательным. По моему мнению, также надо хорошо подумать над использованием слова “русский”. Нам нужно подтвердить то, что этот народ говорит на вполне самостоятельном языке, что это совершенно отдельный от других народ, поэтому с такой точки зрения наибольшее преимущество имеет название “рутенский”, использовавшееся и до войны, так как рутенов в других государствах нет. А вот название “угрорусский” намекает на братство с венгерским народом». Наконец, Едед добавил: «Собственно, этот вопрос уже решен. Закон № VI от 1939 г. говорит только о населении Подкарпатья, а постановление премьер-министра № 6200 от 1939 г. уже использует название “угрорусский”»¹⁷.

При администрации регентского комиссара было создано бюро переводов, которое за короткое время подготовило двуязычный вариант всех типовых формуляров, бланков, деловых бумаг, официальных и почтовых штампов, расписания движения поездов и тому

подобное. Здесь переводили и тексты, которые публиковал региональный официальный орган «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вестник*».

Введение официального двуязычия и ежедневное применение двуязычного делопроизводства снова актуализировало языковой вопрос, что уже долгое время разделяло местную интеллигенцию. Ведь венгерская власть должна была определить, какой язык наряду с венгерским она считает в регионе вторым государственным: великорусский, украинский (малорусский) или, возможно, литературный языковой вариант, который основывался бы на местных славянских говорах (руський, русинский). Из трех конкурирующих языковых направлений в крае Венгрия однозначно поддержала русинский, терпимо относилась к великорусскому и практически запретила украинскую языковую линию, препятствуя украинофильскому движению. В таком контексте неудивительно, что язык переводов в Вестнике имел свои особенности.

В первых номерах официального органа тексты основывались на грамматике Августина Волошина 1907 г.¹⁸ Летом 1940 г. в Ужгороде регентским комиссаром была издана «Грамматика угрорусского языка для средних учебных заведений», что должно было служить целям кодификации русинского литературного языка¹⁹. Редколлегию возглавлял Александр Ильницкий, главный советник регентского комиссара Жигмонда Перени. В письме к премьер-министру П. Телеки регентский комиссар отметил, что грамматика, «с одной стороны, остановит языковую борьбу на Подкарпатье, которая длится уже более двух десятилетий (и которую часто искусственно подогревали чешские власти), и таким образом даст рутенам возможность дальше совместно развивать родной язык, с другой – поставит барьер перед отчуждающим влиянием, которое ощущалось в результате пользования иностранных языков (украинского, великорусского)»²⁰. Предисловие к изданию написал начальник отдела религии и образования Юлий Марина (поэтому издание многие называли «грамматикой Марины»). Автор предисловия отдельно остановился на языковых правах местных русинов, подчеркнул значимость грамматики и высказал мнение о необходимости вернуться к принципам, которые содержатся в грамматиках, изданных А. Волошиным в 1907 и 1919 гг.²¹

Приказ № 8888 регентского комиссара от 20 августа 1940 г. предусматривал обязательное использование «грамматики Марины» в подкарпатских общеобразовательных учреждениях начиная с 1940/1941 учебного года²². С этого времени именно эта грамматика

составляла основу для переводов. Однако «Грамматика Марины», в адрес которой нередко звучала критика, не смогла решить проблемы ни стандартизации и кодификации, ни преподавания языка в школе. Например, в грамматике кое-где перемешивались местные и великорусские языковые нормы²³. Поэтому уже в 1941 г. увидела свет новая «Грамматика руського языка» Ивана Гарайды²⁴. Регентский комиссар своим распоряжением и министр религии и образования приказом № 27300 от 1941 г. признали ее официальным учебным пособием.

В «Предисловии» автор отмечал, что трудно написать грамматику такого языка, который уже имеет многочисленные грамматики различных направленностей, каждую из которых немало критиковали, поскольку интеллигенция до сих пор не смогла достичь единой позиции в языковом вопросе. Задекларированная автором цель – создание такой грамматики, которая смогла бы кодифицировать наиболее понятный для народа языковой вариант на основе общих диалектов и одновременно стать образцом для книгоиздательства. Ведь ранее, как отмечает И. Гарайда, писали тексты для народа такими вариантами языка, которые ему было трудно понять.

Из «Предисловия» следует, что языковой вариант, который автор хочет нормировать, является своеобразным компромиссом между местными языковыми разновидностями. Главный редакционный принцип – этимологический, и только в окончаниях автор следует разговорному языку. Образцом послужила живая разговорная речь, на которой общаются местные жители. Автор также отмечает, что никто не препятствует местной интеллигенции осваивать другие славянские языки, но никто не может запретить и изучение родного языка.

Проанализировав язык грамматики Гарайды, приходим к неожиданному выводу. Теоретики отдельного русинского литературного языка считали, что эта норма должна базироваться на местных подкарпатских говорах (прежде всего на мараморошском), на языке художественных произведений XVIII в., а также церковнославянском языке и, главное, приближаться к народной разговорной речи. И хотя в местных славянских диалектах до сих пор наблюдается сильное влияние венгерского языка (в первую очередь в лексике, но также и на других уровнях), ни язык грамматики Гарайды, ни тексты газеты «*Kárpátaljai Közlöny* – Подкарпатский Вѣстникъ» не отражают последствий контакта с венгерским языком. Среди языковых явлений, кодифицированных грамматикой Гарайды, нет ни одного такого, изоглосса которого не выходила бы за пределы тогдашнего (и нынешнего) Закарпатья²⁵.

Гораздо меньше удалось избавиться от влияния норм русского (великорусского) литературного языка, поэтому строение предложений в текстах, размещенных в официальной газете, очень похоже на русский синтаксис. Так, например, текст объявления под названием «Объявление о конкурсъ» в номере 19 от 4 мая 1941 г. начинается практически на русском языке: «Объявляю конкурсъ на освободившееся мѣсто участкового врача...»

Также на первой странице следующего, 20-го, номера журнала от 11 мая 1941 г. в тексте распоряжения министерства № 2620 от 1941 г. читатель находит предложения, сформулированные в соответствии с кодифицированной нормой упомянутой грамматики. Норма этого текста далека от местной русинской народной речи, но близка к великорусской литературной норме: «Если для цѣли обезпеченія сельскохозяйственныхъ работъ [...] не обходимо использованіе исполненій для народной обороны, то по распоряженію оного предпринимае мѣры министръ народной обороны въ согласіи съ министромъ земледѣлія...»

Доказательством того, что грамматика Гарайды не решила все вопросы кодификации, служат переводы в официальной газете. В номере 52 от 26 декабря 1943 г. находим фрагмент министерского распоряжения в таком изложении: «Тотѣ лѣкарѣ, которымъ на приключенныхъ назадъ, респективно занятыхъ назадъ территоріяхъ оправненость къ уживанню титула лѣкаря-спеціалиста уже была признана на основѣ правовыхъ нормъ, дѣйствующихъ подчасъ чужой окупаціѣ, суть оправненѣ и дальше къ уживаню титула отповѣдного лѣкаря-спеціалиста, ос колько были принятѣ до дакотрой отечественной лѣкарской коморы».

Если в 1941 г. газета объявляла работу для «участкового врача», то в 1943 г. уже речь идет о «лѣкаре-спеціалисте». Лексика переводов приближена к народной разговорной речи, но чувствуется влияние русского языка.

На основе анализа текстов еженедельника «*Kárpátaljai Közlöny – Подкарпатский Вѣстникъ*» можем согласиться с мнением украинского лингвиста Юрия Шевелева, который по поводу языковой войны в Закарпатье первой половины XX в. утверждает: «Языковой хаос, конечно, существовал, но не следует придавать ему слишком большого значения. Три группы – русины, украинцы и русские – в действительности не стояли так далеко друг от друга, как может показаться из полемических суждений. На чистом литературном украинском языке не издавалось почти ничего, на литературном русском

очень мало, в основном произведения авторов не местного происхождения. Практически все печатное слово несло в себе элементы местных говоров, разница заключалась в удельном весе этих примесей. С этой точки зрения, отмирание традиционной формы “русинского языка” зависело не от того, что она синтезировалась в разных текстах с разными языками. Это был закарпатский способ перехода к настоящему литературному языку, то ли украинскому, то ли русскому»²⁶.

В своей статье белорусский русинист Олег Казак считает, что «сознательная поддержка локальной русинской идентичности Будапештом являлась попыткой блокировать участие населения региона в более мощных русофильских и украинофильских национальных проектах. Венгерские власти пытались убедить интеллигенцию Подкарпатской Руси в том, что развитие самобытной культуры населения края возможно лишь под опекой “Короны Святого Стефана”»²⁷. Но автор не дает ответ на вопрос, каковы были мотивации такой политики Венгрии.

Ответ мы находим у М. Козмы. В рукописи, датированной 1938 годом, Козма писал: «Русинско-венгерские связи являются опорной башней и защитой против православного и панславистского политического давления, делают жизнеспособными Русинию и сильнее Венгрию. [...] Принцип *divide et impera*, который применяется против панславистской идеи, прямо желает, чтобы неукраинский русинский народ не присоединялся к Украине, поскольку присоединение этого шестисоттысячного народа и территории, простирающейся по южную сторону Карпат, превратило бы Украину в мощного европейского игрока, который влиял бы на политику в долине Дуная»²⁸. В статье «Украинский вопрос на Закарпатье» Козма пишет: «Не в интересах Венгрии вести политику сомнений, потому что карпато-рутенский народ в силу исторических, географических и религиозных обстоятельств сформировался как самостоятельный народ, и мы не хотим развивать его ни в великорусском, ни в украинском направлении, поскольку оба направления политически ведут за границу»²⁹.

Рассмотрев попытки разработки русинской языковой нормы, можем сделать вывод, что за этой работой стояли геополитические цели венгерского государства. Язык и культуру местного славянского населения и политически, и материально поддерживали как центральная, так и местная венгерская власть. Таким образом, в 1939–1944 гг. в Закарпатье сложилась интересная ситуация: хотя на официальном уровне использование украинского языка было запре-

щено, речь местного славянского населения (как бы ни называть ее) имела значительную государственную поддержку и статус официального языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Püski L.* A magyar parlament szerkezete a Horthy-korszakban – kelet-közép európai kitekintésben. // *Magyarság és Európa – tegnap és ma.* Debrecen, 2006. 153–167. old.; *Idem.* Választási rendszer és parlamentarizmus a Horthy-korszakban // *A magyar jobboldali hagyomány 1900–1948.* Budapest, 2009. 73–101. old.; *Idem.* Parlamenti ciklusok, ülészakok, ülések a két világháború közötti Magyarországon // *Újragondolt negyedszázad – tanulmányok a Horthy-korszakról.* Szeged, 2010. 35–45. old.

2 *Romsics I.* Nyíltan vagy titkosan? A Horthy-rendszer választójoga // *Rubicon.* 1990. № 2. Текст доступен по адресу: http://www.rubicon.hu/magyar/oldalak/nyiltan_vagy_titkosan_a_horthy_rendszer_valasztojoga/ (дата последнего обращения 05.05.2015); *Választójog-történeti forrásgyűjtemény* // http://majt.elte.hu/Tanszekek/Majt/TantargyiProgramok/segedanyag_doc/kepes/A_magyar_valasztojog_jogforrasok.pdf (дата последнего обращения 05.05.2015).

3 1938. évi XXXIV. törvénycikk a «Magyar Szent Koronához visszacsatolt felvidéki területeknek az országgal egyesítéséről». Текст доступен на сайте «1000 év törvényei» по адресу: <http://www.1000ev.hu/index.php?a=3¶m=8089> (дата последнего обращения 05.05.2015); «1939. évi VI. törvénycikk a Magyar Szent Koronához visszatért kárpátaljai területeknek az országgal egyesítéséről» // *Ibid.* <http://www.1000ev.hu/index.php?a=3¶m=8100> (дата последнего обращения 05.05.2015).

4 1939. évi XVIII. törvénycikk «A Magyar Szent Koronához visszacsatolt felvidéki területeken és a Magyar Szent Koronához visszatért kárpátaljai területen országgyűlési képviselők választásáról». ». Текст доступен на сайте «1000 év törvényei» по адресу: <http://www.1000ev.hu/index.php?a=3¶m=8112> (дата последнего обращения 05.05.2015).

5 *Horváth L.* Kárpátalja képviselete a magyar országgyűlésben, 1938–1945. Budapest, 2002.

6 «Budapesti Közlöny», 1867–1944. Текст доступен на сайте «Digitalizált Törvényhozási Tudástár» по адресу: <http://dt.ogyk.hu/hu/gyujtemenyismertetok/jogforrasok/hivatalos-kozlonyok/item/416-budapesti-kozlony-1867-1944> (дата последнего обращения 05.05.2015); «Magyarországi Rendeletek Tára». Текст доступен на сайте «Digitalizált Törvényhozási Tu-

dástár» по адресу: <http://dt.ogyk.hu/hu/gyujtemenyismertetok/jogforrasok/rendeletek-tara/item/404-magyarorszag-rendeletek-tara> (дата последнего обращения 05.05.2015).

7 A magyar hivatalos közlöny 150 éve. Budapest, 1998. 17–27. old.

8 *Fedinec Cs.* Iratok a kárpátaljai magyarság történetéhez 1918–1944. Dunaszerdahely – Somorja, 2004. 528–534. old.

9 Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. K 27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek 1867–1944. 1936.XII.12. Текст доступен по адресу: <http://adatbazisokonline.hu/adatbazis/minisztertanacsi-jegyzokonyvek-1867-1944/adatlap/59848> (дата последнего обращения 05.05.2015).

10 Ibid. 1939.VI.27. Текст доступен по адресу: <http://adatbazisokonline.hu/adatbazis/minisztertanacsi-jegyzokonyvek-1867-1944/adatlap/59905> (дата последнего обращения 05.05.2015).

11 *Jankovics J.* Az irodalmi társaságok mint a Gyöngyösi-kultusz ápolói. // *Ghesaurus*. Budapest, 2010. 625–636. old.

12 *Balás V.* Az Erdős Kárpátok és a Nagy-Alföld, ruszinok és magyarok. Ungvár, 1942.

13 *Vasas G.* Az elaltatott alkotmány: a kárpátaljai vajdaság ügye 1939–1940-ben. // *Kárpáti Ukrajna: Vereckétől Husztig*. Pozsony, 2014. 90. old.

14 *Kozma M.* Beszédek, cikkek, előadások, 1935–1940. Budapest, 1940. IV. k. 281–282. old.

15 Magyar Tudományos Akadémia Kézirattára. Egyed-iratok. Ms 10.734/9.

16 Ibid. Ms 10.734/15.

17 Ibid. Ms 10.734/23.

18 *Volosin Á.* Gyakorlati kisorosz (rutén) nyelvtan. Ungvár, 1907.

19 Грамматика угрорусского языка для средних учебных заведений. Унгварь, 1940.

20 *Marina Gy.* Ruténsors – Kárpátalja végzete. Nagyszőlős, 1977/1999. 86. old.

21 *Volosin Á.* Gyakorlati kisorosz (rutén) nyelvtan. Ungvár, 1907; *Волошинь А.* Методическая грамматика карпато-русского языка для народных школ. Для I и II классов народной школы. Унгварь, 1919.

22 Русинський дайджест 1939–1944. Кроника. Ніредьгаза, 2010. Т. III: Тексты з ужгородських новинок «Нова Недфля» и «Карпатска Недфля» 1939–1941 гг. С. 133.

23 *Капраль М.* Русский язык в Подкарпатье (1938–1944) // *Studia Russica*. 2003. Vol. XX. С. 178–179.

24 *Гарайда И.* Грамматика руського языка. Унгварь, 1941.

25 *Балецкий Э.* Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии // *Studia Slavica*. 1958. Vol. IV. С. 23–46;

Дзендзелівський Й. До питання про мадяризми в говорах Закарпатської області. На матеріалах Лінгвістичного атласа. Част. I // Доповіді та повідомлення УжДУ. Серія Філології. 1959. № 2. С. 61–64.

26 *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Київ, 1987. С. 254.

27 *Казак О.* Етнокультурная политика Венгрии в отношении Подкарпатской Руси (1939–1944 гг.) в свете теории символической природы национализма // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Культурологія». 2014. № 1. С. 226.

28 *Чернишко С., Фединец Ч.* Наш місцевий Вавилон: Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині XX століття (до 1944 року). Ужгород, 2014. С. 163.

29 Там же.

Ch. Fedinec, S. Černičko

Some aspects of the language policy of the Kingdom of Hungary
in Transcarpathia in 1939–1944

The long-term survival of language, national or ethnocultural communities to a large extent depends on the decisions of the central or regional authorities, as well as on the language context and the system of measures for shaping language and cultural intergration of national, ethnic or language minorities, autochthonous or migrant communities. The article dwells upon the ethnic and national-political goals of Hungary in Transcarpathia in 1939–1944.

Key words: *Hungary, Transcarpathia, Ruthenians, language policy*